

1906 г. № 1-й. Годъ изданія 1-й

Цѣна № 10 к., въ провинціи 12 к.

МАЛЯР

» ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ, ЛИТЕРАТУРЫ, СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ И ЮМОРА. «

ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ.....!

„Что день грядущий намъ готовить?“

Достоевскій указаніе
Далъ Россіи къ прозябанію.
И царятъ въ ней чередомъ:
„Преступленіе“, „Наказаніе“,
„Мертвый домъ“.

М. А.

«Основные государственные за-
коны должны быть желаніемъ на-
ции и выраженіемъ ея воли».

Сперанскій.

«Деспотическая власть могла
приличествовать только младенче-
ству гражданскихъ обществъ».

Сперанскій.

Соблазнившись снѣдью вкусной,
Плачетъ дѣтка: „дай да дай“.
Мать старается искусно
Вразумить его: „най, най“!

* * *

Успокойся, мой сыночекъ,
Это вредно, не проси,
Вотъ леденчика кусочекъ
На, мой милый, пососи.

* * *

За шестнадцать дѣткъ; папу
Проситъ: „надо мнѣ деньжатъ“.
„Для чего?“ Сыночекъ шляпу
Мнетъ въ смущеніи. „Ахъ ты хватъ“!

* * *

„Да тебя за эти рѣчи...
„За уроки сядь, наглецъ!“ —
Потряса сынка за плечи,
Прочь прогнавъ его отца.
Дѣтка взрослый. Нынѣ папу
Съ мамой не о чѣмъ просить.
Онъ въ Европу глазенаны
Наровитъ все запустить.

* * *

Дошлишься ты съ Европой!
Можно іа, нельзя ісі...
Что даютъ, то ты и лолай,
А инога не проси...

* * *

Здѣсь поставилъ много точекъ
Для сыночковъ и для дочекъ...

* * *

„Земли и Воли!“

Голодъ въ Россіи и тифъ, и цынга,
Пухнутъ отъ голода люди;
Не на чѣмъ сѣять, не родить земля,
Стонутъ усталыя груди....
Придавлена воля, тюрьмы полны,
Чахнеть въ оковахъ свобода,
Цѣлое море народной крови,
Вопли и стоны народа.....

«Узникамъ волю, голоднымъ земли!»
Вѣра Заикина.

Мы болтаемъ пустяки.
А кругомъ все тоже:
Пухнутъ бабы, старики
Съ голодухи, Боже!
А столовую открыть —
Тщетное старанье!
«Чтобъ немедленно закрыть»
Выйдетъ предписанье.
Мы въ церквахъ ектеніи
Все поемъ о здравьи
И царить у насъ внутри
Русское безправье.
Тамъ, гляди, сошлютъ того,
Этого повѣсятъ,

И, какъ раньше Дурново,
Новый куролеситъ.
О, несчастный край родной,
Родина святая!
Заблеститъ-ли надъ тобой
Зорька золотая?
Дѣтки! Въ нашей жизни злой
Потеряли-ль ночь вы?
Мы уже послѣдній слогъ
Удобренья почвы...
Дружно ляжемъ мы костьми,
Ляжемъ безъ разсудка...
И полянуты дѣтми
Будемъ всѣ мы чутко.

Харонъ.

Здоровье безъ силы — тоже, что твердость безъ упругости.

Стрѣльба въ цѣль упражняетъ руку и причиняетъ вѣрность глазу.

Самопожертвованіе есть цѣль для пути каждаго стрѣлка.

Косьма Прутковъ.

Какъ страшно жить: вездѣ скандалы,
Повсюду бѣдствіе, нужда,
И поневодѣ перестанешь
Читать газеты, господа.
Бывало утромъ, свѣжій номеръ
Газеты вышедшей возьмешь
И, развернувъ его спокойно,
Все происшедшее прочтешь;
Прочтешь всю хронику столицы:
Все тихо, чинно, какъ всегда;
Какойнибудь грабежъ случится —
Ну да вѣдь это не бѣда!
Прочтешь о томъ, какую пьесу
И съ чѣмъ участіемъ дають,
Новѣйшей критики страницу
Глаза съ вниманіемъ пробѣгутъ.
И такъ все дальше, въ этомъ родѣ.
Теперь же, право, не солгу —
Газетъ, журналовъ, какъ бывало,
Читать спокойно не могу.
Вездѣ возстанія, аресты,
Убійства, смуты, грабежи
И небывалые доселѣ
Внутри Россіи мятежи.

Какъ будто свѣтъ перевернулся,
А вмѣстѣ съ нимъ и цѣлый строй —
Васъ можетъ каждую минуту
Арестовать городской.
Безъ всякой видимой причины
Васъ могутъ посадить въ «Кресты»,
Сослать въ Сибирь на поселенье,
Отнявъ отъ дѣла и семьи.
Свободы нѣтъ; и Вы преступникъ
За то, что въ нѣсколькихъ строкахъ
Посмѣли высказать сужденье
О государствѣ и властяхъ.
Ходили слухи, что свободы
Монаршей милостью даны
Для блага русскаго народа
И для спасенія страны;
Но нѣтъ, свобода ни въ чѣмъ не видно,
Народъ какъ прежде угнетенъ
И жадной сброситъ рабства цѣпи
Еще сильнѣе возбужденъ

В. Заикина.

Нездоровая сила и тверда, и упруга, будучи поддержана пулеметами

А также спасаетъ отечество и возводитъ въ званія.

Сколь сіе глубоко! И особливо семеновца...

Кузьма съ Прудковъ.

ПО РОССІИ.

(Провинціальныя наброски).

Родная картинка...

Въ м. Тарговицѣ, лежащемъ на границѣ херсонской губерніи по со-
сѣдству съ м. Ново-Архангельскомъ, весеннія воды прорвали плотину,
соединяющую оба мѣстечка. Тарговицкій становой приставъ распорядился
немедленно исправить плотину средствами и трудомъ однихъ
лишь тарговицкихъ крестьянъ. Тарговицкіе крестьяне, однако, порѣ-
шили, что въ исправленіи плотины должны принять участіе и ново-ар-
хангельскіе крестьяне и дерзнули черезъ своего уполномоченнаго за-
явить объ этомъ приставу. Такое вольнодумство крестьянъ привело въ
ярость тарговицкаго блюстителя порядка, и онъ велѣлъ своимъ страж-
никамъ «вспыпать этому мерзавцу». Сказано — сдѣлано. Вольнодумный мер-
завецъ съ трудомъ поднялся и, еле волоча ногами, побрелъ къ своей
хатѣ... Но вотъ изъ толпы народа выступаетъ другой «вольнодумецъ» и
заявляетъ тарговицкому полковнику, Кн. Мещерскому, что тѣлесное на-
казаніе давно уже отпущено, и приставъ не въ правѣ наказывать
крестьянъ плетями... Этому второму «вольнодумцу» пришлось ужъ нести
на рукахъ.

Удивительно, какъ Тарговицкій становой приставъ до настоящаго
времени — все еще приставъ а не... ну, по крайней мѣрѣ, не губер-
наторъ?..

* * *

Вы, конечно, читатель не знаете, что есть въ г. Радомыслѣ на-
чальникъ мѣстной почтовой конторы г. Прохоровъ?

Знать слѣдуетъ. Личность замѣчательная! Вотъ примѣръ:

«Г. Прохоровъ «травитъ» своихъ подчиненныхъ хуже звѣрей, тре-
тируетъ ихъ на каждомъ шагѣ, ругаетъ публику и... (смѣшно сказать)
даже бьетъ колодкой... За что же унижаетъ г. Прохоровъ своихъ под-
чиненныхъ? За какіе грѣхи? — Вотъ примѣры. Почтальонъ Жигадо (уже
я помню его въ мѣстной конторѣ лѣтъ 25), докладывая о чѣмъ-то «на-
чальству», позабылъ держать руки «по швамъ». Раздается грозный, на
всю контору, крикъ начальника: какъ ты стоишь, синьей! Руки держать
надо вотъ такъ! (слѣдуетъ весьма осознательное «начальническое» руко-
прикладство). Того же Жигадо г. Прохоровъ однажды побилъ колод-
кой. «Начальство» отдало приказъ, чтобы его къ приходу почты бу-
диль. Почтальонъ Ростоцкій, повинувшись приказу, даетъ знать г. Прохо-
рову (приличнымъ, конечно, стукомъ въ дверь, что уже пора. «Звѣ-
реть» выбѣгаетъ «начальство» и обзываетъ бѣднаго Ростоцкаго на всю
залу «синьей»). Чиновникъ Сергіенко имѣлъ неосторожность попросить
Прохорова быть повѣжливей. Сергіенко, по доносу г. Прохорова, не-
медленно былъ уволенъ. Помощникъ нач. конторы, г. Минухъ, прослу-
жившій у насъ нѣсколько лѣтъ и заслужившій любовь всего населенія,

вынужден был перевестись отсюда, так как тяжело было ему ладить с начальством. С надсмотрщиком Тодорук г. Прохоров поступил совсем уж нехорошо. Вот как об этом повествуется сам г. Тодорук в своем рапорте на имя г. Прохорова. «30 сего апреля, пишет г. Тодорук, будучи дежурным по конторе (в 5 часов утра), я составил сумочныйopsis на отправляемую в 6 ч. утра, в Малин, почту. При занесении в сумочнуюopsis 5 сумок, сданных мѣстным казначейством, мною, вслѣдствіе спѣшности, были пропущены во 2-й графѣ описи букв «Г. Б.», что и было обнаружено при проверкѣ нашимъ высокоблагородіемъ. На вопросъ вашъ: почему пропущены означенныя буквы, я доложилъ, что вслѣдствіе спѣшной работы пропустилъ написать ихъ по ошибкѣ и сейчасъ добавлю. Послѣ чего вы начали наносить мнѣ въ присутствіи чиновниковъ Гриба и Гребенника, почтальоновъ и стражниковъ—оскорбленія, называя меня «животнымъ» и затѣмъ изволили сказать: «субрайся вонъ къ чертовой матери!.. ты ни къ черту не годишься!».. и т. д., угрожая кулакомъ и въ заключеніе заявили: «я тебя устрою отъ занятій и если сію минуту не уйдешь, то прикажу стражникамъ выгнать, чтобы нога твоя не была здѣсь!!!»—Послѣ этого я былъ вынужденъ уйти изъ конторы. Вслѣдствіе такого грубаго обращенія нашего со мною, я покорнѣйше прошу, ваше высокоблагородіе, представить настоящій рапортъ на благоусмотрѣніе его превосходительства, г. начальника кievскаго почтово-телеграфнаго округа».

Возмущенные послѣднимъ поступкомъ своего начальника, чиновники конторы и почтальоны послали телеграмму г. начальнику округа съ просьбой произвести по этому дѣлу дознаніе. ■

Г. г. чиновники послали телеграмму начальнику округа. Что-жъ, дѣло хорошее! Почему не послать. Но дѣло въ томъ, что начальникъ кievскаго округа—генералъ, какъ любятъ себя величать г. г. дѣйствительные статскіе совѣтники,—Цециновскій, кажется, не изъ мягкосердечныхъ и г. г. Прохоровыхъ любить. Злые языки утверждаютъ, что генералъ изъ контонистовъ дошелъ до высокихъ чиновъ, а вѣдь контонисты отличаются суровостью и требованіями—любятъ почтеніе и преданность—преданность и почтеніе...

* * *

Историческая картинка—или какъ въ Кіевѣ искореняютъ «крамолу».

«Ауто-да-фе». 24 апрѣля, раннимъ утромъ, на лукьяновскомъ кладбищѣ происходило сожженіе газетъ, сатирическихъ журналовъ и другихъ произведеній печати, конфискованныхъ въ періодъ съ 17 октября по настоящее время и хранившихся въ полицейскихъ участкахъ. Насколько велико было количество скончившейся «крамольной» литературы, можно судить по тому, что къ мѣсту сожженія она была доставлена въ большихъ тюкахъ на 9 или 10 подводкахъ. Вся эта процессія подъ охраной двигалась по Б.-Дорогожичской ул. и привлекла толпу любопытныхъ. Когда шествіе прибыло на кладбище, здѣсь уже находились пожарные, вызванные для «казни» надъ «преступной» литературой. Имъ отдано было распоряженіе о сожженіи, и громадная бумажная гора запылала со всѣхъ сторонъ и продолжала горѣть почти цѣлый день.

Старая Россія жгетъ себя сама...! Жгите! Очищайте путь Молодой Россіи—Россіи: любви, равенства и братства!..

Старый Баянъ.

Ахъ, гдѣ тѣ острова, гдѣ растеть трынъ-трава, братцы!
(К. Рылеовъ, «Думы»).

Покажи мнѣ страну,
Гдѣ лишь правду одну
Славять!
Гдѣ и силу, и власть,
Точно злую напасть
Травятъ!
Гдѣ же дѣйствуетъ кнутъ,
И гдѣ шею не гнуть
Низко!
Гдѣ къ особѣ своей
Царь пускаетъ людей
Близко!
Гдѣ въ больницахъ не мрутъ,
И гдѣ въ рожу не бьютъ.
Больно!
Гдѣ съ начальствомъ своимъ
Мы всегда говоримъ
Вольно!
Гдѣ не вѣрятъ святымъ,
Помогаютъ больнымъ
Даромъ!
Гдѣ солдатикъ не пьянъ,
Гдѣ не порятъ крестьянъ
Съ жаромъ!
Гдѣ богатство не чтутъ,
Гдѣ не ташутъ подъ судъ
Слово!
Гдѣ окончивши спать,
Все рѣшаютъ начать
Снова!

Старый журавль.

Высоко, высоко въ просторѣ лазурномъ, съ далекаго юга на сѣверъ родимый, на милыя зыби унылыхъ болотъ, летѣлъ онъ, гонимый любовью къ отчизнѣ. Усталъ онъ. Путь къ родинѣ такъ безконеченъ, нѣтъ силы былой, но крѣпится старикъ. Такъ много когда-то любилъ и страдалъ онъ на сѣверѣ дальнемъ, что смерти кошмаръ, какъ нѣчто родное, онъ могъ бы тамъ встрѣтить и року въ глаза не боялся-бъ взглянуть. Пусть силы слабѣютъ, пусть сердце тревожно безумное бьется, путь такъ не далека...

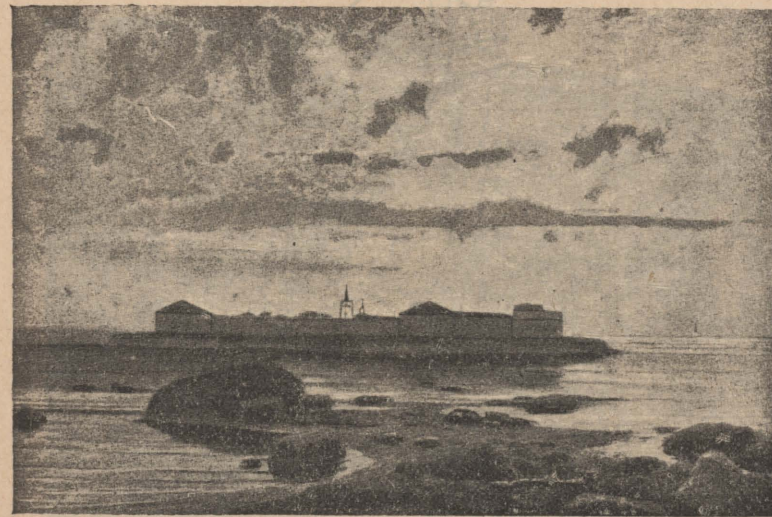
Скорѣе, скорѣе!.. Могучія крылья широко онъ вскинулъ, метнулся впередъ, въ просторъ заповѣдный, въ лазурь голубую. Далеко отсталъ онъ. Въ лучахъ чуть видны его молодые собраты. Еще, еще бы одно лишь пустое усиліе, онъ скоро догонитъ, пристанетъ къ друзьямъ.

Родные лѣса, дикій сѣверъ, болота!.. Скорѣе туда на сухой, мягкій мохъ. О! только-бъ добраться, а тамъ онъ сжуетъ еще поборотся съ недугомъ своимъ. Впередъ, за друзьями! Съ безумнымъ усиліемъ взмахнувши крылами, метнулся старикъ. Метнулся и замеръ... Гдѣ-жъ сила была! Зачѣмъ онъ спустился такъ низко къ землѣ!.. Нѣтъ, нѣтъ онъ не сдастся: поди не впервые бороться герою. Настойчивъ старикъ. Не сдастся легко онъ. Скорѣе же къ небу, тамъ солнце сияетъ, свободнѣй дышать. Къ великому небу!

И гордо взглянулъ онъ туда, гдѣ далеко осталась земля. Взглянулъ и впередъ онъ, и дрогнуло сердце, живѣй и сильнѣе забилося оно. Такъ близко, такъ ясно предъ нимъ разстлалась, сверкая подъ солнцемъ, родная земля. И дикія сосны, и елей вершины, и свѣтлыя кудри плакучихъ березъ, знакомыя степи, кой-гдѣ деревушки, подъ гордымъ откосомъ сверкаетъ рѣка... Такъ близко, такъ ясно... И сердце трепещетъ такъ сильно, такъ радостно въ чахлой груди. Скорѣе! Скорѣе!.. Но что съ нимъ?! Устало боецъ головою поникъ и застылъ. И крылья трепещутъ такъ слабо, лѣнливо. Одно-бы усиліе, одинъ гордый взмахъ... Но силы слабѣютъ. Какъ на смерть прозвенный, онъ камнемъ тяжелымъ на землю упалъ и, падая, онъ умирающимъ взоромъ тоскливо взглянулъ на родную страну. Такъ близко! Лишь горы ему миновать бы... Оставили силы. Кошмаръ налетѣлъ и черная ночь пеленою застлала и взоръ горделивый, и мысли бойца.

Въ Шлиссельбургской крѣпости.

(15 марта 1906 г.).

Шлиссельбургская крѣпость.

Грязные и тѣсные вагоны узкоколейной Ириненской желѣзной дороги, игриво постукивая колесами на мѣстахъ скрѣпленія рельсъ, хотя медленно, но все дальше и дальше увозили насъ отъ славной столицы,—приближая къ мѣсту нашего паломничества: Шлиссельбургской крѣпости...

Не веселыя думы роились въ головѣ.

По этой самой узкоколейкѣ, можетъ быть даже въ этомъ-же вагонѣ, подъ охраной штыковъ и шашекъ, перевозились «преступники», державшіе потрясать основы бюрократическаго самодержавія; перевозились съ тѣмъ, чтобы долгіе, долгіе годы пребыть на небольшомъ островкѣ, окруженномъ высокими и крѣпкими, выстоявшими уже столѣтія, каменными стѣнами,—въ душной, полутемной, маленькой камерѣ.

Упалъ онъ на землю; въ расщелинѣ дикой, сырой и душливой смерти онъ нашелъ и счастье, мелькнувъ передъ взоромъ кометой, пропало, смѣнилъ его черный туманъ.

Проклятая смерть! Такъ жестоко смѣяться и демонъ коварный не могъ бы, не смѣлъ.

«Друзья молодые,—вздыхнувъ, умирая, подумалъ лишившійся силы боецъ,—друзья молодые, привѣтъ мой отдайте родимой землѣ. Я доволенъ судьбой, я честно погибъ, я съ врагомъ поборолся; всю жизнь не любилъ я вражду и раздоръ. Простите друзья!..»

Такъ погибъ старый воинъ. А юность стремилась впередъ и впередъ—къ любви, единенію, миру и счастью, къ великой борьбѣ за безумный раздоръ.

О, родина мать! О, святая отчизна! Не такъ-ли и ты всѣхъ къ себѣ насъ влечешь. Къ великому миру, къ любви, къ единенію, къ великой побѣдѣ коварства и зла. О! только-бы вѣры и силы хватило. Пусть гибнутъ безсильные, старцы въ борьбѣ. Мы вѣры полны и врагу отомстить мы сможемъ за смерть ихъ, за ихъ неудачи, за кровь ихъ пролитую въ страшномъ бою.

Насъ много. Сплотимся-жъ скорѣе на битву. Врагъ сгинетъ какъ черный туманъ предъ зарей. И снова воскреснетъ, и снова заблещетъ надъ мирной Россіей маякъ золотой.

А. Щ.—овъ.

«Не смѣхъ-ли?... Черезъ воровъ воровъ искоренять!.. Или чрезъ дураковъ судьбою управлять?... Или изъ низости (отъ самыхъ подлыхъ душъ) Столь вредныхъ, кто таковъ, какъ Каинъ или Картушъ, Во обществахъ въ чины людей устроивати И во правленіе дѣлъ общественныхъ вжѣтати? И на толико злыхъ отечеству враговъ Надѣяться, такъ какъ на вѣрнѣйшихъ друзей!...»

Это отрывокъ изъ стиховъ: «Камилловы пять свидѣній», принадлежащихъ перу Поручика Федора Кречетова, одного изъ первыхъ русскихъ конституціоналистовъ. Стихотвореніе это написано въ 1781—84 г. г.

В. Кречетовъ—узникъ Шлиссельбургской крѣпости. *)

Изнывали въ каменныхъ мѣшкахъ эти чудные люди, эти кузнецы свободы... вводимые въ камеры молодыми, полными силъ и освобожденные въ февралѣ мѣсяцѣ 1906 года—стариками хотя крѣпкими духомъ и волею.

Подъ мѣрный стукъ колесъ вспоминается то далекое время, когда окруженные конвоемъ солдаты въ бѣлыхъ парикахъ съ косичками, по глубокому снѣгу, въ небольшихъ возкахъ, сюда же перевозились парственные узники... Вотъ везутъ сподвижника Петра—Меншикова...

Но это—не то. Эти люди далеки намъ, это не наши... Опять возки!.. Тутъ конвой солдатъ въ современномъ одѣяніи... Какъ много возковъ, одинъ за другимъ—движутся день и ночь...

А вотъ и катера быстро движутся по гладкой поверхности Невы, разрывая своими острыми килемъ ея темныя воды—движутся по направлению той-же Шлиссельбургской крѣпости...

Въ вагонѣ несмолкаемые разговоры—все больше на темы вообще; публики, ѣдущей въ самую крѣпость, немного—человѣкъ 9—10, среди нихъ сотрудникъ «Новаго Времени» г. Розановъ. Ёдущихъ посмотреть «обитель борцовъ за свободу» въ этотъ разъ мало потому, что 14-е марта былъ послѣдній день, разрѣшенный официально для осмотра крѣпости публикой; мы надѣялись на любезность коменданта и не ошиблись.

Наконецъ, утомительное, по своей медленности и тѣсотѣ вагоновъ, путешествіе кончилось.

Мы на станціи Шлиссельбургъ.

Не успѣли мы выйти изъ вагона, какъ были окружены мѣстными «ваньками», предлагавшими свои услуги—«докатить до крѣпости въ секунду».

Мих. Мукаловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Журналъ «Былое»—Апрѣль 1906.

Мудрецъ.

Быть мудрецъ.

Онъ понялъ печальную тайну жизни; тайна наполнила сердце его темнымъ трепетомъ ужаса, и во мракѣ ея грустно погасли улыбки земли, тихо умерли радости.

Холоднымъ окомъ разума своего онъ смотрѣлъ въ глубь времени и видѣлъ тамъ тьму; будущее было ясно для него—тамъ была тьма.

Онъ ходилъ по дорогамъ родины своей, по улицамъ городовъ и по селамъ ея, онъ ходилъ, печально покачивая одинокой мудрой головой, и звучала въ пестромъ шумѣ жизни его проповѣдь, какъ печальный звонъ похороннаго колокола:

— Люди! Вы живете между тьмою и тьмой. Изъ пропасти невѣдѣнія вышли вы, въ туманѣ невѣдѣнія трепещетъ жизнь ваша, ледяная тьма невѣдѣнія ждетъ васъ впереди...

Люди слушали грустную рѣчь его, понимали горькую правду ея и вздыхали, молча глядя въ очи мудреца.

Но, проводивъ его въ одинокій путь мудраго, они шли къ работамъ своимъ и на пириества свои, ѣли хлѣбъ свой, пили веселое вино свое и, со смѣхомъ любясь играми дѣтей, забывали о нуждахъ своихъ и о горѣ, извѣданномъ ими вчера.

Боролись другъ съ другомъ за власть и богатства, умиленно слушали проповѣдь любви, руками въ крови ближняго своего ласкали милыхъ сердцу красавицъ и устами предателей цѣловали друзей своихъ. Воровали другъ у друга имущество и, обогащенные кражами, горячо защищали собственность; безсознательно лгали другъ другу, и всѣ говорили, что лишь правда должна быть царицею жизни, а нѣкоторые даже вѣрили въ благодатную силу правды и страдали за вѣру свою. Любили они музыку и счастливо плакали подъ звуки ея, восхищаясь красотой, а вокругъ себя допускали безобразное, совершали отвратительное. Порабощали они другъ друга и говорили, что жаждутъ свободы; презирали подчинившихся власти ихъ и тайно, трусливо, хитрые звѣри, ненавидѣли владыкъ своихъ. И всегда, желая лучшаго, тревожно искали его вокругъ себя, но въ себѣ не умѣли создать что лучшее, поглощенные мелочными заботами объ удобствахъ жизни своей, источая свой умъ во враждѣ и во лжи, въ грубыхъ хитростяхъ ради торжества ненасытной своей жадности ко благамъ земли.

Такъ, подобно грязнымъ свиньямъ, жили эти забавные чудаки и считали себя нагими ангелами. И была ихъ жизнь, какъ вулканъ грязный, вулканъ неистощимый, изрыгавшій въ свѣтлую пустыню небесъ смрадный паръ стоновъ и воплей, липкій пепелъ страданій и горя, вонючую грязь возделѣній звѣринныхъ...

Одинокій мудрецъ, тихо шествуя сквозь суету земли, говорилъ голосомъ всевѣдѣнія:

— Что есть жизнь? Вы не знаете. Что—истина? Вы не скажете. И зачѣмъ вы? Неизвѣстно вамъ. Вотъ въ чемъ ваше несчастье.

И видя, какъ влюбленный обнимаетъ возлюбленную свою, говорилъ имъ печально:

— Смерть ждетъ васъ и потомство ваше...

И видя, какъ люди строили роскошныя жилища себѣ, говорилъ, укоряя:

— Все сіе—въ жертву гибели...

И видя дѣтей, играющихъ на лугу среди цвѣтовъ, подобныхъ имъ, вздыхалъ и говорилъ въ сердцѣ своемъ:

— Жатву смерти видать очи мои...

И если нѣкто изъ мудрецовъ жизни, чуждыхъ душъ познававшего темную мудрость смерти, поучалъ юношество въ храмѣ науки своей чуднымъ тайнамъ ея, онъ говорилъ, усмѣхаясь:

— Ограниченность—имя мудрости твоей! Ибо погибнуть земля и всѣ храмы ея, и науки ея, и правда, и ложь ихъ, и невѣдомы тебѣ день и часъ гибели твоей...

Но однажды на окраинѣ шумнаго города, въ темной, узкой улицѣ грязной и нищеты, въ смрадномъ туманѣ запаховъ гніенія мудрецъ увидѣлъ тѣсную толпу работниковъ: одинъ изъ нихъ говорилъ имъ рѣчь; и удивился мудрецъ вниманію слушателей—никогда люди не слушали его проповѣди съ такой жадностью. И острый уколъ зависти коснулся сердца мудреца.

— Товарищи!—говорилъ ораторъ работникамъ.—Мы лежимъ въ грязи труда нашего, подобно камнямъ на днѣ рѣки, а надъ нами быстро катятся волны жизни владыкъ нашихъ. Мы для нихъ, какъ ступени, и по нашимъ тѣламъ они поднимаются вверхъ, на высоту истины и оттуда обращаютъ силу разума своего противъ насъ, дабы

поработить еще и души наши... Они все знаютъ, мы—ничего, они живутъ, мы еще не жили, имъ вѣдома вся мудрость, намъ—только сказки; все свѣтлое въ ихъ рукахъ, въ нашихъ—ничего и даже хлѣба мало, чтобы сытыми жили мы. Поработили они насъ и пресытились и вотъ уже скоро голодъ нашъ побѣдитъ пресыщенныхъ, ибо безсиленъ духъ ихъ, тогда какъ мы жизнью духа живы и сильны. Мы хотимъ жить, мы хотимъ знать, мы хотимъ быть людьми. Мы хотимъ насытить алчущій духъ нашъ всею мудростью земли, созданной на твердыняхъ терпѣнія нашего; мы хотимъ всего, что уже есть, мы хотимъ создать то, чего нѣтъ еще!

— Человѣкъ!—сказалъ мудрецъ, снисходительно улыбаясь,—заблужденіе—имя словъ твоихъ. Ограниченно познаніе людей, и не будутъ они знать болѣе, чѣмъ могутъ. И не все-ли равно тебѣ, какъ погибнешь ты,—голодный, или пресыщенный, подобно тѣмъ, противъ которыхъ ты направляешь столь слабое жало мудрости твоей? И не все ли равно,—невѣждой ляжешь ты въ гробъ твой или одѣнешься въ холодный саванъ жалкихъ учений владыкъ твоихъ? Подумай: все на землѣ и сама земля будутъ повергнуты въ черную пропасть забвѣнія, въ бездонную пучину смерти...

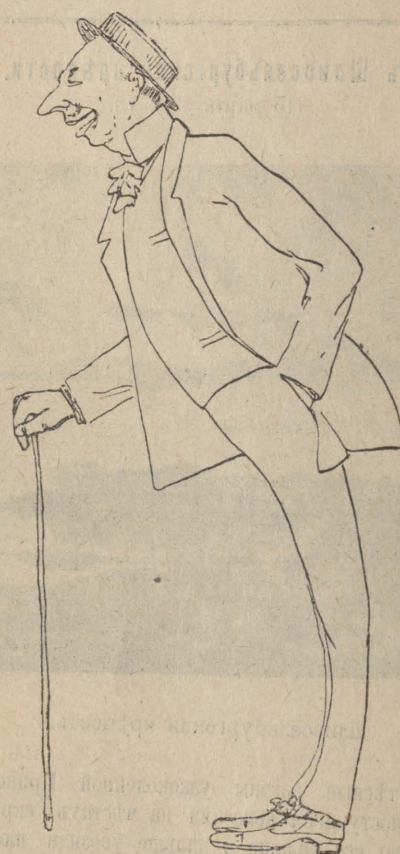
Работники молча смотрѣли въ очи его неподвижно, слушая мудрую рѣчь, и, чѣмъ больше говорилъ онъ, тѣмъ сильнѣе одѣвались лица ихъ суровымъ холодомъ. Потомъ одинъ изъ нихъ сказалъ товарищу:

— Матвѣй! У меня рука болитъ—дай ты въ шею этой старой обезьянѣ...

Вотъ и все...

— Да, конечно, я согласенъ, онъ нѣсколько грубоватъ, этотъ рабочий народъ, но развѣ онъ виновенъ въ этомъ? Вѣдь его никто не училъ хорошимъ манерамъ...*)

М. Горькій.

— Такъ, такъ!... Кнутикомъ его кнутикомъ... полезно.

— Земскаго не слушать... каналы!...

*) Перепечатка. За перепечатку редакция дѣлаетъ взносы въ кассу литераторовъ.

„Голодные“. Съ картины итальянскаго художника Де-Маренъ.

Голодные.

Есть на окраинахъ нашей столицы,
Масса голодныхъ, нагихъ,
Испиты ихъ потемнѣвшія лица,
Ужасъ написанъ на нихъ.....

Въ темный подвалъ отворяю я двери,
Сразу почти не видать,
Только ихъ слышно, то люди или звѣри....
Кто это началъ рыдать?

Дверь затворилась, удручливо-смрадно,
Сырость и плѣсень въ углахъ....
Чьи то глаза устремились жадно,
Чьи то глаза всѣ въ слезахъ.

Баба больная, накинувъ тряпицу,
Мигомъ поднялась ко мнѣ,
«Баринъ, ты докторъ? нельзя ли въ больницу?
«Пятеро здѣсь, вотъ онѣ»...»

И указала она мнѣ на доски,
Что то бѣгло на нихъ:

Группа безработныхъ на Шлисесбургскомъ проспектѣ.

Пятеро дѣтокъ валялось въ разброску,
Желтыхъ и полунагихъ.

— «Что съ вами случилось?»—«Три дня не ѣдали,
«Негдѣ намъ было достать»,
«Только тебя мы, вотъ, баринъ, позвали,
«Ты ихъ отсѣлѣ спровадь!»

— «Какъ же три дня? Ну, а что же сосѣди?
«Ты заняла бы у нихъ!»

«Гдѣ же твой мужъ? поди, въ пьяной бесѣдѣ!
«Васъ же оставилъ однихъ!»

Группа безработныхъ на Шлисесбургскомъ проспектѣ.

Горькой усмѣшкою губы скривились,
Злобой сверкнули глаза....
— «Право, а вы бѣ господинъ постыдились,
«Зря клеветать такъ нельзя....»

«Мужъ мой, вотъ годъ уже, какъ безъ работы,
«Тоже не ѣлъ ничего....
«Онъ изсушился по дѣткамъ въ заботѣ....
«Болѣе нѣтъ ужъ его!»

«Сосѣди! да тѣ вѣдь такіе жѣ и сами,
«Всѣмъ намъ работъ не даютъ,
«Нечѣмъ ужъ больше дѣлиться имъ съ нами,—
«Дѣти кругомъ такъ и мрутъ!»

«Ну, а моихъ, пятерыхъ, поскорѣе,
«Баринъ, въ больницу спровадь,—
«Пусть-ка накормятъ ихъ тамъ поплотиѣе,
«Радостиѣй чтобъ помирать!»

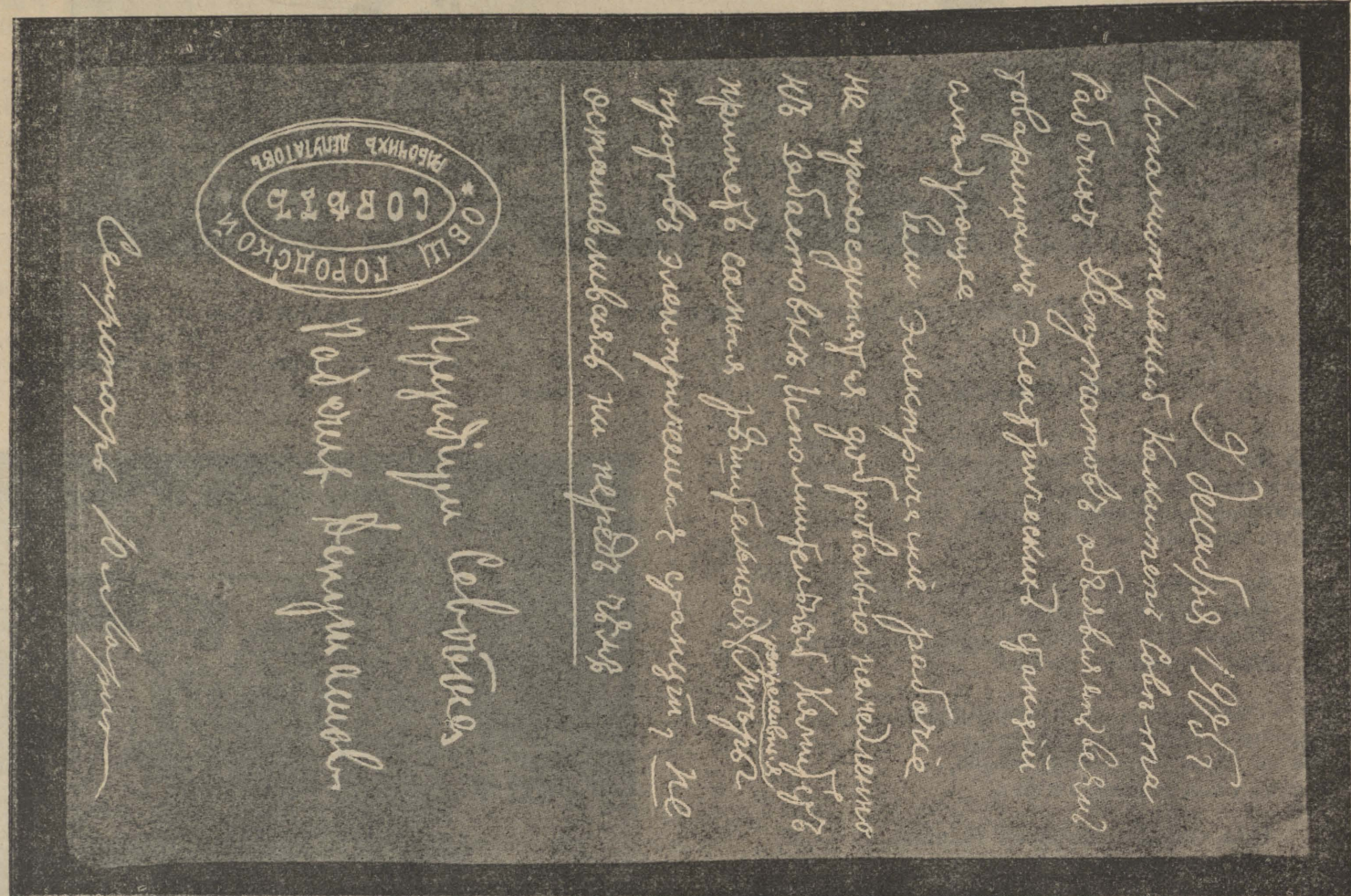
«Я же кончаться останусь на мѣстѣ,—
«Много насъ лишннихъ людей,—
«Всѣ, заодно, погибать будемъ вмѣстѣ,
«Только бѣ не видѣть дѣтей!»

Слышали вы, всѣ хорошіе люди,
Что рассказалъ я всѣмъ вамъ;
Не соберете-ль какой либо ссуды?
И не поможете-ль тамъ?

Люди-Земля.

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВЪ РОССИИ.

Постановленіе совѣта рабочихъ депутатовъ.

АКАѢИСТЪ

Великомучающему Дубасію.

Предста предъ грозныя очи великомучающаго Дубасіа, тако глаголюще: радуйся, гегемоне новоявленный! радуйся, по Москвѣ, яко по морю ходящій! радуйся, умою одаренный! радуйся, купино неопалимая! радуйся, властію князевой облеченный! радуйся, великомучащій Дубасіе, Московію вторично спалившій!

Никтоже, то-кмо ты, Дубасіе, палеметы безстрашно разставилъ еси, бѣсовскихъ крамольниковъ раздушилъ и кровію алою Прѣсною обогривъ; преполнился лютой злостію: аллилуйя!

Егда ты, Дубасіе, во Московію водворился еси—весь сонмъ присныхъ опричниковъ твоихъ вопіяху: радуйся, адмирале сухопутный! радуйся, министерскаго произвола ставленниче! радуйся, кровію людскою обогранный! радуйся, тысячи языковъ злыхъ сокрушившій; радуйся, друкярню Сытына огню предавшій! радуйся, великомучащій Дубасіе, Московію вторично спалившій!..

Съ умиленіемъ въ сердцахъ нашихъ читаху твои великомудрія дѣтисии и къ Витте тщетно взывавшія, вопіемъ Дурново: аллилуйя! Убоихуся зѣло вси люди московскіе, видѣху тебя, Дубасіе, властію палача облеченнаго и гласомъ велиемъ глаголюще сие: радуйся, въ звонцы пушки ставившій! радуйся, тожко полтъ-Бѣлокаменной огню предавшій! радуйся, еси баррикады разбивавшій! радуйся, сырыхъ и убогихъ заступниче! радуйся..... отрада и утѣшеніе; радуйся, инквизитора Торквемадо превзошедшій; радуйся, неистовыхъ супостатовъ прапнелами побивавшій! радуйся, великомучащій Дубасіе, Москву вторично спалившій!.

Смиранный инокъ Печасій.

— Ежели теперь мужикъ волю взялъ, — что же будетъ дальше?

Я можно сказать сызмальства съ барскаго стола питаюсь...

— И что начальство смотритъ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПѢСНЯ СЪ ПРИПѢВОМЪ *)

(Припѣвъ повторяется за каждой строфой).

Насулили пять свободъ,—
Радуйтесь, крестьяне!
Одурачили народъ,—
Мы отъ нихъ въ изъянѣ.

Припѣвъ: Затянулась канетель,
Заварилась каша!
Обманули насъ, ей-ей...
Доля злая наша!

Вотъ собрались мужики,
Что-то обсуждаютъ....
Ихъ нагайкой казаки
Щедро награждаютъ.

Съ миллионами теперь
Бѣгутъ за границу.....
Не тяните канитель,—
Дайте намъ землю!

Полно, полно, камарилья,
Наше пиво пить!
Не пора-ли, безъ насилья,
Свое заварить?

Нр. Я. Н. Н.

Записки Мефистофеля.

«Красный Крестъ» въ роли черносотенца!

«Красный Крестъ»—это символъ любви и милосердія ко всему и всему. Памятуя этотъ принципъ, каждый и всякій несетъ свою лепту въ кассу «Краснаго Креста», въ надеждѣ на то, что и лепта вдовицы и пожертвованіе «отъ щедротъ» богача пойдутъ на одно и тоже дѣло—дѣло помощи: страждущему, голодному и убогому.

Однако, далеко не такъ.

Оказывается, что, вмѣсто врачеванія страждущихъ и оказанія помощи неимущимъ калѣкамъ, царскосельское отдѣленіе «Краснаго Креста» занялось распространеніемъ погромной литературы въ Россіи. Съ этой цѣлью оно устроило въ Царскомъ Селѣ собственную типографію, книжный складъ и магазинъ, и издаетъ газету подъ названіемъ «Царскосельская Газета».

*) Съ удовольствіемъ даемъ мѣсто произведенію крестьянина извозчика.

скосельская газета», съ направленіемъ крайне реакціоннымъ. Въ этой, съ позволенія сказать, газетѣ, помѣщаются перепечатки самыхъ черносотенныхъ статей изъ «Московскихъ Вѣдомостей», «Кіевлянина» и другихъ рептильныхъ газетъ.

И издается царскосельская газета не только на субсидію, но и на средства общества, образующіяся изъ пожертвованій лицъ, сочувствующихъ дѣлу милосердія, но не черносотенной агитаціи, не сѣянію племенной вражды между населеніемъ Россіи!

Исторія возникновенія черносотенной газеты въ Царскомъ Селѣ такова:

У «камарильи» возникла мысль освѣдомлять «верхи» о внутренней жизни Россіи, но освѣдомлять такъ, чтобы «верхамъ» казалось, что народъ—врагъ освободительнаго движенія, и что всѣ волненія—результатъ недовольства существующимъ порядкомъ кучки евреевъ и интеллигенціи.

Для осуществленія такой цѣли, нужна была ширма, и этой ширмой стало царскосельское отдѣленіе общества «Краснаго Креста», согласившееся издавать первоначально «Листокъ Краснаго Креста», и, затѣмъ, вмѣсто нея «Царскосельскую Газету».

Подъ видомъ вспоможенія отдѣленію или подъ другимъ соусомъ, была исходатайствована на изданіе газеты субсидія въ размѣрѣ 40 тысячъ рублей,—и дѣло закипѣло.

«Верхамъ», при посредствѣ этой черносотенной газеты, стало сообщаться, что народъ доволенъ своимъ положеніемъ, что онъ сытъ и не пухнетъ съ голоду, что волненія въ странѣ—результаты агитаціи крамольниковъ «жидовъ и измѣнниковъ Россіи—интеллигентовъ».

«Царскосельскую Газету» читали... Цѣль была достигнута, но не совсемъ: ее читали «верхи», но не читалъ народъ, не зная о существованіи ея.

Чтобы найти сбытъ своей литературѣ, заправила отдѣленія выдумали весьма простой способъ: издавать отдѣльными брошюрами все то, что помѣщалось въ «Царскосельской Газетѣ» и могло вызвать въ народѣ контръ-революціонное движеніе, и, затѣмъ, продавать брошюры по копѣйкѣ или раздавать ихъ даромъ...

И вотъ стали печатать одновременно и газету, и брошюры: газету для «верховъ», а брошюры для народа; завели «для пользы дѣла» собственную типографію и книжные складъ и магазинъ, причѣмъ пускались слухи, что «предпріятіе» преслѣдуетъ исключительно коммерческія цѣли—увеличить капиталы отдѣленія, предназначенныя на дѣла... милосердія *).

Что же, граждане російскіе! Тряхните своей мошной и, кто что можетъ, жертвуйте «Красному Кресту» вообще, а Царскосельскому его отдѣлу въ частности.

*) Б. В. № 9802.

Человѣкъ раздвоенъ снизу, а не сверху,—для того, что двѣ опоры надежныѣ одной.

Единажды солгавши, кто тебѣ повѣритъ?

Часами измѣряется время, а временемъ жизнь человѣческая. Но чѣмъ, скажи, измѣришь ты глубину Восточнаго Океана?

Достатокъ распутнаго равняется короткому одѣялу: когда натянешь его къ носу, обнажатся ноги.

Самолюбіе и славолюбіе суть лучшія удостовѣренія безсмертія души человѣческой.

Отъ Редакціи.

Въ Петербургѣ наражается союзъ живописцевъ и маляровъ. Привѣтствуя возникновеніе новаго союза—редакція намѣрена на страницахъ журнала «Маларъ» удѣлять мѣсто помѣщая свѣдѣнія о дѣятельности и развитіи новаго союза и вообще готова способствовать его процвѣтанію.

Шалости крамольниковъ.

Какіе-то крамольники зло подшутили надъ бывшимъ профессоромъ, нынѣ только редакторомъ газеты «Кіевлянинъ» и патріотомъ отечества—Д. Пихно.

Какое вамъ дѣло, граждане, куда идуть заработанный потомъ и кровью копейки, которые вы такъ самоотверженно несете въ кассу «Краснаго Креста»!

Пусть шире распространяется литература съ завѣдомо злостнымъ направленіемъ.

Литература созданная за народные деньги.

Браво, г. г. Александровскіе изъ «Краснаго Креста», вы гнете свою линію.

Продолжайте — «быть бычку на веревочкѣ»—говоритъ народная мудрость.

Изъ Царскаго Села въ стольный городъ Кіевъ—дистанція хотя и огромнаго размѣра—мы мигомъ перекочуемъ.

Тутъ дѣйствуетъ докторъ медицины В. Н. Проценко, кіевскій городской голова.

Знаменитый докторъ Проценко, изорвавшій уже написанный имъ рецептъ у постели больного за то, что больной оплатилъ его визитъ, какъ доктора, 50 коп., не имѣя возможности дать больше.

Какъ городской голова, онъ знаменитъ постройкой кіевской гавани съ перерасходомъ десятковъ тысячъ; постройкой городского театра, постройкой дехтеревскихъ богадѣленъ; знаменитой резолюціей на съѣздѣ докторовъ въ Москвѣ и проч. и проч.—до безконечности.

Къ счастью кіевляны наступаютъ новые выборы городского головы. Г-ну Проценко готовятся «воронье».

Г-ну Проценко больно не хочется покидать удобнаго и выгоднаго кресла городского головы; г-нъ Проценко, «силъ не жалючи», работаетъ среди своихъ приверженцевъ, желая обезпечить свои выборы.

И вотъ, ко благоу г. Проценко, производство выборовъ въ гласные заторможено; г. Проценко, предполагая что въ число гласныхъ на новое четырехлѣтіе попадетъ большинство стародумцевъ и тогда, конечно, г-нъ Проценко легко можетъ пройти въ городскіе головы.

По этому поводу въ газетѣ «Отг. Жизни» читаемъ:

«Но ликуютъ-то—гастрономическіе магазины. Потираютъ руки хозяева; кто хотѣлъ «рубль ломать», успокаиваетъ своихъ алчныхъ кредиторовъ:

— Слыхали: господинъ Проценко желаютъ, во что-бы то ни стало, снова нашимъ головой сдѣлаться? Такъ, вотъ, значитъ, мы и ждемъ крупнаго забора, большой полочки-съ... Они, за прошлые выборы, оль-

Но для чего, скажи, раздвоенно правительство Витте?!

Графъ?!

Талантливый адмиралъ, кладя мѣру жизни человѣческой, въ то-же время легко достаетъ дно Восточнаго Океана.

Не потому-ли гр. Витте, достатки Россіи будущаго, многіе неприличные журналы изображаютъ и вовсе голаго?

Сколь-же безсмертна, о, графъ! душа твоя!

Крамольники прислали въ редакцію газеты «Кіевлянинъ» письмо. Вотъ выдержка изъ подлиннаго текста этого письма, которое было напечатано въ «Кіевлянинѣ»:

«Письмо группы поляковъ, протестующихъ во имя блага русскаго государства противъ введенія автономіи въ Польшу. Письмо это заканчивается такъ: «Будучи готовы подтвердить всегда наши мнѣнія, ничего не имѣемъ противъ опубликованія нашихъ фамилій. Просперъ, Идзиковскій, Христина, Нейманъ, Оттонъ, Станевскій, Вацлавъ, Олецкій, Леонъ

Олецкій, Чеславъ, Ивашкевичъ, П. Окулскій, Доминикъ, Лачиновскій, Евгенийъ Ціановскій».

Если послѣдовательно составить буквы, набранныя жирнымъ шрифтомъ—получается что, читатель?

шія деньги на угощеніе положили... И, можно сказать, такъ съ трескомъ прошли... И теперь такъ будетъ».

Что на «угощеніе» г. г. избирателей будетъ потрачено, это несомнѣнно, но несомнѣнно и то, что докторъ медицины, городской голова съ подмоченной репутаціей г-нъ В. Н. Проценко не можетъ и не долженъ быть избранъ кіевскимъ городскимъ головою.

Довольно сраму, довольно кумовства, свойства и дѣленія суммъ... Россія на порогѣ новой жизни. Пора сдать въ архивъ воспоминаній все то, чѣмъ жила и какъ жила Старая Россія.

Въ Новой Россіи нѣтъ мѣста г. г. Проценкамъ, Чокаловымъ, Бернерамъ, Ясногурскимъ и прочимъ изъ плеяды славныхъ нашего многострадальнаго отечества...

Тайна Шлиссельбурга.

(Изъ ходячихъ легендъ).

Къ одному изъ видныхъ администраторовъ крѣпости явилась въ квартиру молодая дѣвушка, проса свиданія съ нимъ.

— Попроси, сказалъ онъ, пробѣгая быстро глазами карточку посланную человѣкомъ.

Въ кабинетъ вошла высокаго роста молодая дѣвушка, на лицѣ ея видны были слѣды утомленія, а можетъ и пережитое горе.

Войдя въ кабинетъ, посѣтельница обвела взглядомъ всю комнату и, убѣдясь, что кромѣ администратора никого нѣтъ, быстро подошла къ нему и заговорила взволнованно: «Зачѣмъ вы такъ жестоко со мной поступили, больную и не одну... бросили на произволъ судьбы. Я столько пережила и все же люблю васъ, хотя хочу ненавидѣть. Теперь безъ средствъ, работать не въ состояніи да и дѣла нѣтъ. Вашъ прямой долгъ поддержать меня и обезпечить, я взываю къ Вашему долгу, а не къ сердцу, такъ какъ его у васъ нѣтъ».

Онъ слушалъ ее не прерывая, съ такимъ выраженіемъ лица, какъ бы говоря: «какъ у тебя хватило смѣлости явиться сюда». Сказавъ, дѣвушка замолчала пылливо глядя на сытое и самодовольное лицо администратора.

— Мнѣ надобно съ вами возиться сударыня и я ничѣмъ помочь вамъ не могу. Произнесъ, администраторъ въ отвѣтъ на слова посѣтельницы.

— А! такъ знайте же! если вы не удовлетворите мою просьбу, то я найду способъ заставить васъ помочь мнѣ, крикнула она.

— Къ чему намъ ссориться, угрозы я вашихъ не боюсь, я думала о васъ, но былъ такъ занятъ, что не могъ навѣстить васъ, и готовъ сдѣлать все, что въ моей власти, и недобрая улыбка скользнула по его губамъ.

— Поговоримъ серьезно. Прощаясь онъ сказалъ ей: завтра буду ждать васъ въ это время. По уходѣ посѣтельницы онъ шагая по кабинету, рѣшилъ: да! надо разъ навсегда отдѣлаться отъ нея; она довольно опасна и неотвязчива. Все, что лишнее, что мѣшаетъ на пути, надо устранить не заботясь куда сброшено препятствіе, таковъ мой девизъ. На слѣдующій день администраторъ сказалъ женѣ, что онъ уѣзжаетъ по дѣламъ и что сюда явится молодая дѣвушка, и когда доложить о ней, что бы она послала съ вѣстовымъ пакетъ дежурному офицеру, который онъ тутъ-же вручилъ ей.

Съ бьющимся сердцемъ на другой день входила въ кабинетъ администратора—жертва его каприза.

Что онъ мнѣ скажетъ? какъ отнесется? поможетъ-ли? думала сидя въ роскошномъ кабинетѣ дѣвушка. Вдругъ она услышала звонъ шпоръ и лязгъ оружія за дверью, въ которую входили два стража съ саблями наголо, за ними чиновникъ съ бумагой въ рукѣ. Она широко открытыми глазами смотрѣла на нихъ, чувствуя, какъ что-то ужасное холодное сковываетъ ее члены. Она угадывала, что эти люди пришли за ея свободой—ея жизнью, что они пришли взять ее, которая стала на дорогѣ сильному лицу, которому нужно было ее устранить, и эти люди, слѣпо исполняютъ его волю, не зная сути.

Чиновникъ прочелъ бумагу и сказалъ: на основаніи этого распоряженія я васъ арестую.

— Это неправда! Это все ложь! я не виновна крикнула въ отчаяніи она.

— Я ничего не знаю, у меня предписаніе васъ арестовать, отвѣтилъ чиновникъ и сдѣлалъ знакъ рукой стражѣ. Къ ней рѣшительно подошли стражи и полубезчувственную съ застывшимъ отъ ужаса взглядомъ увели...

И она исчезла навсегда, и больше никто не слышалъ и не зналъ ничего о ней. Шлиссельбургъ свято хранилъ повѣренную ему тайну. А. Я.

Разговоръ двухъ курьеровъ.

(Картина съ натуры).

На-дняхъ мнѣ пришлось быть въ одномъ изъ департаментовъ. Назначенный пріемный часъ давно ужъ наступилъ, а господина директора все еще не было. Вмѣстѣ со мною въ пріемной ожидало еще нѣсколько человѣкъ, но они оказались предусмотрительнѣе или опытнѣе меня, коротая тоску ожиданія чтеніемъ захваченныхъ съ собою газетъ. Я не былъ столь дальновиденъ и принялся съ скуки разсматривать висѣвшіе по стѣнамъ портреты сошедшихъ со сцены директоровъ этого заведенія.

Одинъ былъ изображенъ въ простой рабочей блузѣ съ устремленными впередъ воспаленными глазами. За спиной его видны шкафы, наполненные непожѣрной толщиной томами книгъ, должностными, повидимому, свидѣтельствовать о его глубокой учености. Съ почтеніемъ приблизившись къ портрету, я прочелъ красовавшуюся на табличкѣ фамилію этого мужа и былъ сконфуженъ собственнымъ невѣжествомъ такъ какъ имя его мнѣ было совершенно неизвѣстно.

Другой былъ изображенъ сидящимъ за письменнымъ столомъ, заваленнымъ ворохомъ бумагъ, одну изъ которыхъ онъ держалъ въ своихъ рукахъ. Но глаза его смотрѣли не въ бумагу, а куда то вдалѣ поверхъ живой толпы.

Созерцаніе портретовъ не разсѣяло, однако, моей скуки, которая казалось, была разлита въ воздухъ. Скучали выкрашенные жиденькою розоватою краской стѣны. Скучала полъ, по паркету котораго, пуливно озираясь, старался мышью проскользнуть мелкій канцелярскій чиновникъ, опоздавшій на службу. Я вышелъ въ смежную комнату покурить. Здѣсь была та же смертельная скука. Одинъ изъ курьеровъ, уже одряхлѣвшій отъ старости, дремалъ, прислонясь къ спинкѣ деревяннаго диванчика. Другой, еще молодой, нервно переминался съ ноги на ногу. Вдругъ я услышалъ разговоръ.

— Слышь, старикъ,—говорилъ молодой,—нашего то Кривошапку по шапкѣ!

— Ась?—переспросилъ проснувшійся отъ своей дремоты старикъ, поднеся зонтикомъ руку къ своему уху.

— Министра-то нашего по шапкѣ!

— Господи Боже мой! Эхъ ихъ мѣняютъ. Не успѣлъ жѣсто обогрѣть и долой? А кого же вѣсто его?

— Да слышно товарища внутреннихъ, графа Турусова.

— Избави Богъ! Отъ внутреннихъ избави Богъ! Внутреннихъ дѣлъ бояться надо какъ огня! Ихнее дѣло какое—войска отправить имъ просто, прибавилъ онъ потрясая въ воздухъ кулакомъ и образно представляя этимъ, что разумѣлъ онъ подъ этимъ «просто».

— Вотъ кабы нашего товарища Некрасова назначили!

— Глупъ ты, братъ, какъ я погляжу. Ну развѣ можно Некрасова въ министры!

— Отчего же нѣтъ? Онъ, слышь, ученый, вся заграница его знаетъ, въ товарищахъ двадцать лѣтъ состоитъ.

— Ростомъ не вышелъ! отрѣзалъ лаконически старикъ.

— Такъ что же что ростомъ не вышелъ. За то—голова!

— Эхъ, молодъ ты, братецъ, право. Для министра прежде всего фигура нужна. Чтобы и ростъ, и осанка, и все. А твоей Некрасовъ что? Такъ, пиалица какая-то. На какомъ-нибудь выходѣ и незажѣ-тишь вовсе.

— Господи, Господи! Неграмотнаго въ короли ставятъ!

Неизвѣстно, до чего дошла бы бесѣда двухъ курьеровъ; но въ это время шумно отворилась дверь, въбѣжалъ курьеръ съ ключемъ въ рукахъ, чтобы отпереть дверь директорскаго кабинета, а за нимъ важно прослѣдовалъ господинъ директоръ, и головы двухъ практическихъ философовъ низко склонились передъ нимъ.

Сашко.

Как производилось следствие по делу Спиридоновой.

Н. В. Тесленко, защитник Спиридоной, приводит в «Речи» ответ судебного следователя Струнникова на целый ряд вопросов, поставленных Н. В. Тесленко, о причинах, вызвавших неправильные действия чинов министерства юстиции. Судебный следователь объясняет причины своего поведения и, с одной стороны, дает поразительную картину производства предварительного следствия через сорочку лет после введения судебных уставов, а с другой — проливает новый свет на историю истязания Спиридоновой.

Вот этот документ.

«Милостивый государь, г. Тесленко. Прочитав в № 2 газеты «Тамбовский Голос» часть вашего письма, которым вы бросили мне в лицо, — как судебному следователю, производившему предварительное следствие по делу о Спиридоновой, — обвинение, если не в соучастии нанесения побоев Спиридоновой, то, по крайней мере, в попустительстве к этому, — я думаю, что вы, бросая мне такое серьезное обвинение, забыли что г. Борисоглебский в то время был на положении чрезвычайной охраны, и последняя г. Луженовским и его ближайшим помощником, Борисоглебским уездным исправником Протасовым — проводилась в жизни Борисоглебских жителей со всевозможными жестокостями. Судебная власть в г. Борисоглебске вынуждена была играть тогда жалкую роль, и г. Протасов распоряжался даже временно, когда следователь мог увидеть арестанта и при каких обстоятельствах. Я говорю: «Судебная власть была вынуждена» потому, что фактически власти следователя не существовало — у него не было силы заставить исполнять свое распоряжение; между тем, г. Протасов, окруженный войсками и чинами полиции, был в состоянии привести в исполнение всякое свое даже незаконное распоряжение, что он и доказывал на деле.

Вот при каких условиях и пришлось мне, как следователю, работать по делу о Спиридоновой; а неизвестность для вас обстоятельств, сопровождавших производство этого несчастного следствия, дала вам возможность бросить мне обвинение. Вот эти обстоятельства вкратце: получив в 4 ч. веч. телеграмму за № 1431 от ротмистра г. Рязанского о нанесении тяжких ран г. Луженовскому неизвестной женщиной, я немедленно приступил к производству предварительного следствия и около 6-ти часов вечера вместе с городским врачом г. Гавриловым прибыл в квартиру г. Протасова, где в то время помещался г. Луженовский, которого мне необходимо было освидетельствовать и допросить. Г. Протасов, узнав о цели моего прибытия, неожиданно для меня, повысив голос, заявил: «я не позволю вам допрашивать Луженовского» и далее делал все возможное к тому, чтобы не допустить меня до производства следствия и показать мне Спиридонову только перед самым отправлением ее в гор. Тамбов. (Акт, находящийся в деле и принятый вами за допрос г. Луженовского, не есть на самом деле допрос, а невозможности освидетельствовать и допросить г. Луженовского по состоянию его здоровья, составленный мною благодаря счастливой случайности — собравшегося консилиума врачей).

Г. Протасов, допрошенный в качестве свидетеля и согласившийся с точностью изложения своих показаний, отказался их подписать; между тем, допрос этот, благодаря постоянным исчезновениям г. Протасова из комнаты, занял более двух часов времени. Здесь я

выразил намерение допросить задержанную и, зная, что она сильно избита, пригласил поехать со мною в полицию г. Гаврилова. Г. Протасов, узнав, что я еду с врачом свидетельствовать и допрашивать обвиняемую, заявил мне, что меня к ней не допустят; отдав при этом, как я узнал впоследствии, помощнику исправника г. Богоявленскому приказание, без его, г. Протасова, записки меня с врачом к обвиняемой не допускать; а если мы будем, как выразился г. Протасов, ломиться к арестантке, то в нас стрелять. На мое предложение поехать вместе с нами в полицию г. Протасов не согласился, сказав, что он приедет в полицию к 12 часам ночи и к этому времени предложит приехать и мне. Прибыв к назначенному времени в полицию вместе с г. Гавриловым, г. Протасов там не застал. По прошествии более часа со времени нашего приезда, я узнал от городского Михенко о том, что арестантка переведена в тюрьму а потому, отпустив г. Гаврилова, стал составлять протокол о случившемся.

Не более как по прошествии 5 или 10 минут с отъезда из полиции г. Гаврилова явился г. Протасов; а потому я и подозреваю, что г. Протасов выжидал отъезда врача из полиции и что городовой Михенко ответил на мой вопрос дань по приказанию г. Протасова. Здесь с первых же слов г. Протасов заявил мне: «Задержанную вы можете только допрашивать, но никаких мер пресечения спосов вы уклоняться ей от следствия и суда я избирать вам не позволю». На мое замечание, что хозяином следствия по закону является следователь, г. Протасов начал на меня положительно кричать: «Вы мне не начальство, — начальство мне тамбовский губернатор; а от него у меня есть телеграмма об отправлении Спиридоновой в Тамбов», — которую, однако, несмотря на мои просьбы, отказался показать и в конце концов произнес по моему адресу угрозу — посадить меня в тюрьму, о чем 17-го января не постеснялся заявить прокурорскому надзору. Спиридонова в моем распоряжении была не более получаса времени и уведена была она вопреки моей воли — единственно по распоряжению г. Протасова, узнавшего от подесаула Аврамова о том, что все готово для отправления Спиридоновой.

Уведь от меня Спиридоновой состоялся в то время, когда мною еще производился ее допрос. Вот при каких обстоятельствах началось и кончилось это следствие; вот почему Спиридонова не была освидетельствована и допрошена, как обвиняемая; вот, наконец, почему Спиридонова оказалась не в тюремной больнице, а в вагоне вместе с Аврамовым. Все это — не голословное оправдание с моей стороны; все это было в действительности и все это может быть подтверждено свидетельскими показаниями городского врача, г. Гаврилова, и помощника исправника, г. Богоявленского. Об обстоятельствах, сопровождавших производство следствия по делу о Спиридоновой, мною 17-го января, прокурорский надзор поставлен в известность словесным сообщением, а 23-го января за № 92 официальной бумагой, И. д. судебного следователя Струнников».

Застольная пьсьнь.

Прочь горе! Чась дивный веселья насталь.
Играет вино золотое!
Отъ полного сердца свой полный бокал
Я поднял за солнце земное.

Я пью не за то, чьмь смущают глупцовъ,
И что так условно на свѣтѣ.
Нерѣдко вселавныхъ кумировъ отцовъ
Не чутъ своевольныхъ дѣти.

Къ прекрасному чутки поэтовъ сердца —
Пусть спорятъ со мной лицемѣры.
Я вѣрю, что царству не будетъ конца
Одной лишь безсмертной Венеры.

Разумный и глупый, и рыцарь, и плутъ,
И всѣ времена, и народы, —
Всѣ свято богиню прекрасную чтутъ,
Омегу и альфу природы.

Какъ солнце, что свѣтитъ и грѣетъ намъ кровь —
И добрымъ, и злымъ безъ изыатя,
Всѣмъ свѣтитъ духовное солнце — любовь,
Всѣхъ знойныхъ грѣютъ объятя.

Я пью за красавицъ, что адъ нашъ земной
Намъ въ рай хотъ на мигъ превращаютъ,
Чьи знойныя очи порывъ молодой
У старца въ груди пробуждаютъ.

Я пью за красавицъ, во мракѣ земномъ
Мнѣ давнихъ мгновенія рая.
Свой тостъ раздѣляю я всѣмъ существомъ
И крикну его умирая.

Прочь горе! Чась дивный веселья насталь.
Играет вино золотое!
Отъ полного сердца свой полный бокал
Я поднял за солнце земное!

В. Юревичъ.

Наши печальники.

(Изъ жизни литературной богемы).

I.

Къ числу нашихъ, литературной братии, печальниковъ необходимо причислить издателя газеты «Виржевыя Вѣдомости» Станислава Максимилиановича Проппера.

Вы, читатель, можете услышать, что Станиславъ Максимилиановичъ выдалъ семь умершаго своего сотрудника, допустимъ 200 руб., что тотъ-же Станиславъ Максимилиановичъ «приказаль» выдать изъ кассы 50 руб. на похороны скончавшагося литератора. Далѣе, что г. Пропперъ, не желая пользоваться бесплатно трудомъ журналистовъ, оплачиваетъ перепечатки, помещаемыя имъ въ своихъ газетахъ, изъ другихъ газетъ, взнося за таковыя въ кассу взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ ежегодно известную сумму денегъ *).

Все это правда. Но...

Глубокоуважаемый Станиславъ Максимилиановичъ, взнося въ кассу литераторовъ ежегодно 100 рублей, перепечатываетъ ежедневно чужаго материала на 100 рублей.

«Приказывая» громогласно выдать изъ кассы на похороны литератора и его-же сотрудника 50 рублей, уважаемый Станиславъ Максимилиановичъ конфиденциально передаетъ кассиру: «изъ назначенной суммы, пожертвованной мною на похороны литератора, удержать выданный ему при жизни авансъ — разъ таковой былъ ему выданъ».

Исполнитель «хозяйской» воли кассиръ докладываетъ достопочтенному Станиславу Максимилиановичу, что за скончавшимся литераторомъ значится 40 рублей аванса.

— Авансъ удержать — остатокъ выдать!

Слѣдуетъ лаконическій хозяйскій приказъ.

О выдачѣ пятидесяти рублей на похороны скончавшагося литератора добрыйшмъ Станиславомъ Максимилиановичемъ узнала вся редакция и далеко разнеслась молва о добротѣ издателя газеты «Виржевыя Вѣдомости».

Мих. Муналовъ.

*) 100 р. въ годъ, а перепечатываютъ «Б. В.» на 100 р. въ день.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Ревизія Краснаго Креста. Ревизія, давшая громадный материалъ для обвиненія предсѣдателя Краснаго Креста минувшей войны въ злоупотребленіяхъ, скрывается отъ общества. Ниже мы прилагаемъ документъ, который, быть можетъ, послужитъ ключемъ для объясненія многихъ обстоятельствъ минувшей войны.

Кн. Бор. Алекс. Васильчиковъ.

Исполнительному комитету Краснаго Креста отъ бухгалтера.

Списокъ предметовъ по харбинскому складу, расходъ которыхъ не выясненъ:

Вина бутылками — 15,918 бут. Вина вѣсомъ — 723 п. 29 ф. Вина ящиками, ведрами и бочками — 488. Портеру бут. — 165 б. Портеру ящиками — 64 ящ. Фильтры — 259. Наборы — 280. Индукц. аппаратовъ — 12 шт. Пробирокъ — 4,016 шт. Скальпелей хирург. — 391 шт. Сткланки — 96,359 шт. Бинты штуками — 30,146. Носилки — 4266 шт. Компрессы — 28,914 шт. Марли вѣсомъ — 599 шт. Рубашекъ — около 75,000 шт. Кальсонъ — 125,000 шт. Бухгалтеръ Доммеръ.

(«XX Вѣкъ»).

Интересно — не постигла-ли эти «предметы» судьба «морозовскихъ» одѣял и греческой коринки.

Примч. наборщика.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1906 годъ на еженедѣльный журналъ

САТИРЫ, ЛИТЕРАТУРЫ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

„МАЛЯРЪ“

Подписная плата: съ 1-го июня, — 2 р. № 10 к., въ пров. 12 к. Проб. № высыл. за 14 к. марками.

„МАЛЯРЪ“ будетъ выходить еженедѣльно отъ 12 — 16 стр. обычнаго журн. формата, съ карикатурами, рисунками, портретами и виньетками.

Съ № 2-го начнется печатаніемъ „Д. Н. Толстой, его письма и мнѣнія“. Материалъ собранъ изъ рус. и иностр. газетъ.

Журналъ „МАЛЯРЪ“ предназначается, главн. образомъ для провинціи, и ея „дѣтели“ будутъ разрисованы имъ по заслугамъ, а потому редакция проситъ г.г. читателей, не стѣняясь формой изложенія, сообщать ей такъ или иначе выдающіеся факты изъ жизни — провинціальныхъ болотъ и мракобѣсія ея „отцовъ“ и „попечителей“, снабжая свои корреспонденціи портретами и рисунками.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: С. А. Бердяевъ, М. К. Мукаловъ, Е. И. Альфъ (Игнатьевъ), В. М. Арнольдъ, В. Заикина, А. В. Веренинъ, Сергій Соломинъ, А. А. Норинскій, Н. К. Мукаловъ, А. Н. Платиновъ, Людѣ-Земля (псевдонимъ), С. И. Васюковъ, А. В. Занкинъ, № 380 (псевдонимъ), А. А. Осиповъ, В. Т. Ардовъ и др.

Редакторъ-издатель М. К. Мукаловъ.

Адресъ редакціи: Сиб. Владимірекій пр., 19.

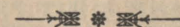
М. К. Мукаловъ

Дѣти улицы

I.

Малолѣтнія
проститутки

Текстъ иллюстрированъ гравюрами малолѣтнихъ проститутокъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1906

Чѣмъ нѣмѣе во ноп

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежедневную политико-экономическую и литературную газету

„СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ“

Нужды и вопросы, интересующие провинцию и деревню, занимают первое место на столбцах газеты «СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ». Помимо обычных хроники, телефона и телеграфа, газета имеет собственную корреспонденцию в Государственной Думе и специальный телефон. Пробный № безплатно.

Въ годъ 3 р. 60 к., на 1 мѣс. 40 коп. (можно марками).

Съ 1 Юня до конца года (31 декабря) съ доставкой и пересылкою **2 р. 20 к.**

Главная Контора и Редакция: Сиб. Стреланина, 12, соб. д.

Редакторъ А. Е. Заринъ. Издатель П. П. Сойкинъ.

НОВАЯ КНИЖКА:

Кн. А. С. Кудашевъ. Аграрный вопросъ въ Россіи съ точки зрѣнія сельско-хозяйственной техники.

Издание Н. К. МУКАЛОВА.

Цѣна 20 коп.

Съ требованіями обращаться по адресу: Кіевъ, Почта, Ящикъ 298 Н. К. Мукалову.

Книгопродавцамъ обычная (25%) уступка.

Примѣчаніе. Иногородніе выписывающіе книжку отдѣльными экземплярами прилагаютъ на пересылку марки.

УРОКИ МУЗЫКИ.

Б. Ученица профессора ЛЮТНА.

75 коп. въ час.

Адресъ узнать въ редакціи журнала «ЗАСТРѢЛЬЩИКЪ». Дегтярный пер., 22, кв. 43.

УРОКИ

РИСОВАНІЯ И АКВАРЕЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ

преподастъ учительница рисованія, также исполняетъ портреты Blanc-Noir и акварель.

Адресъ: Дегтярный пер., 22, кв. 43.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежедневную политическую, общественную и литературную газету

„ТУЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ“,

выходящую въ г. Туль.

подписная цѣна:

съ доставкой и пересылкою:

на годъ	6 р. — к.	на 6 мѣс.	4 р. — к.
11 мѣс.	5 75	5	3 60
10	5 35	4	2 70
9	5	3	2
7	4 30	2	1 50
8	4 60	1	75

Для иногороднихъ подписчиковъ начальными сроками подписки можетъ служить лишь первое число каждого мѣсяца, для городскихъ — 1 и 16-е.

Перемѣна адреса: тульского на тульскій безплатно, въ остальныхъ случаяхъ — 30 коп. (можно присылать почтовыми марками), требуется указаніе прежняго адреса или доставленіе бандероли, подъ которою получается газета.

Для ознакомленія номера газеты высылаются безплатно.

Адресъ редакціи: Тула, Кіевская ул., д. Платоновыхъ. Телефонъ № 358.

Адресъ для телеграммъ: Тула, „ЖИЗНЬ“.

Редакторъ-Издатель Д. И. Фортунатовъ.

„ЗОРЬКА“

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Продолжается подписка на 1906 годъ.

„Зорька“ въ 1906 году выходитъ по-мѣсячно, исполнѣнными книжками разнообразнаго содержанія.

Въ „Зорькѣ“ будутъ участвовать многіе извѣстные въ литературѣ имена.

Цѣна: на годъ 4 р., на полгода 2 р., съ пересылкой и доставкой.

Подписка принимается въ редакціи (Вильна, Преображенская, 4), а также въ книжныхъ магазинахъ.

Имѣются полные экземпляры „Зорьки“ за 1905 годъ. Цѣна 4 р. — съ пересылкой.

Редакторъ-издатель учитель С. А. Ковалюкъ

И. Е. КОЗЛОВЪ.

КНИГОТОВАРЛЯ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

С.-Петербургъ, абинетская ул., д. № 5.

- 1) Исполняются заказы на всякія книги по цѣнамъ объявленнымъ авторами и издателями. Рѣдки и вышедшіе изъ продажъ книги по соглашенію.
- 2) Ученикамъ, учреждениямъ, учащимся и посольнымъ покупателямъ дѣлается возможная скидка или льготныя условія платежа по соглашенію.
- 3) Книжки могутъ быть по желанію переплетены.
- 4) Иногороднимъ покупателямъ книги высылаются и наложеннымъ платежомъ на сумму свыше 1 руб., до 1 руб. благоволятъ высылать почтовыми, гербовыми или оборотательными марками.
- 5) Приемъ подписки на всякія изданія и журналы, но съ предварительнымъ взносомъ денегъ.
- 6) На запросы прошу прилагать марку или бланкъ открытаго письма для отвѣта.

Громадный подборъ книгъ по сельскому хозяйству, лѣсоводству, ботаникѣ, статистикѣ, естествознанію и медицинѣ.

За послѣднее время приобретены библиотеки ученыхъ Шафранова, Лачинова, Кочубея, Волкенштейна и много дубликатовъ въ ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной библиотекѣ.

Д. И. Бирюлинъ.

КОММИССИОННОЕ БЮРО ПЕЧАТИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

(Семеновская, 5, — артель газетчиковъ).

Покорѣйше просить г.г. издателей сообщать ему о дняхъ выхода издаваемыхъ ими журналовъ, указывая точный адресъ конторы и условія продажи.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный журналъ для народа

„КРЕСТЬЯНИНЪ“

Цѣна 1 руб. на годъ, 50 коп. на полгода, 25 коп. на 3 мѣсяца.

Изданіе общества „Крестьянинъ“; Вильна, Преображенская улица, домъ № 4.

Издательство М. К. Мукалова.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

М. К. Мукаловъ. 9-е Января 1905 г. въ С.-Петербургѣ.

Его-же. Ужасы Невскаго проспекта. Проституція и полицейско-санитарные комитеты. (Первыя пять главъ этой книжки были напечатаны — фельетонами въ газетѣ «Русь» за 1905 годъ).

Его-же. Мои рассказы для дѣтей. Сказки, легенды, повѣрья. Среди природы и животныхъ.

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА

отвѣчаетъ на всѣ запросы по книжному и газетно-журнальному дѣлу; беретъ порученія по розыску и приобретенію необходимыхъ книгъ, журналовъ, газетъ, программъ учебныхъ заведеній, а также высылаетъ экземпляры новыхъ пьесъ и либретто; производитъ вырѣзки изъ газетъ и т. п.

На отвѣтъ необходимо прилагать марки.

Адресъ: С.-Петербургъ. Владимірскій просп. д. № 19, кв. 11.

„ЗАСТРѢЛЬЩИКЪ“

Журналъ политической сатиры, литературы и современной жизни.

Выходитъ еженедѣльно въ 16 стр. по самой широкой программѣ, отражая на своихъ страницахъ событія

Освободительнаго движенія Россіи

въ его настоящемъ и прошломъ. Въ каждомъ номерѣ помѣщается 12 — 25 рисунковъ и портреты БОРЦОВЪ ЗА СВОБОДУ.

Въ „Застрѣльщикѣ“ принимаютъ участіе слѣдующіе литераторы и художники:

Далай-Норъ (А. В. Вережниковъ), В. А. Верещагина, В. В. Жуковъ (Апулей), В. Князевъ, А. В. Закинъ, Люди-Земля (псевдонимъ), И. М. Василевскій (Не-Буква), Н. Е. Зубриловъ, А. А. Шегловъ, М. К. Мукаловъ, Вѣра Запкина, Офицеръ (псевдонимъ), В. Юревичъ, В. М. Арнольдъ, Лѣвый (псевдонимъ), Pessimist, А. Злотниковъ, Л. Л. Бордье, Вл. Ямпольскій, Grillon, Поль Ассатуровъ, Бессарабевъ, О. Барковъ, «Пролетарій» и др.

Цѣна номера въ Сиб. 10 коп. Въ провинціи въ отдѣленіяхъ Конторы по 12 коп. номеръ, въ Сибири — 15 коп.

Провинціальныя Отдѣленія Журнала будутъ указаны въ ближайшемъ номерѣ.

Литературный и Художественный матеріалъ направляется въ Редакцію. Рукописи, въ случаѣ надобности, подлежатъ редакціоннымъ измѣненіямъ. Доставленные безъ обозначенія тона, оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи. Непринятые рукописи обратно не посылаются.

Контора и редакція: С.-Петербургъ, Дегтярный пер., д. 22, кв. 43.

Открыта подписка на 1906 годъ.

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ-самоучитель:

„РУССКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ГРАМОТА“

изданіе по всемъ отраслямъ музыкальной педагогики и какъ пособіе къ самостоятельному развитію музыкальности въ школѣ и народной массѣ (всѣхъ національностей Россіи).

ПРОГРАММА:

Правительственныя распоряженія, относящ. къ музыкальному миру. — Исторія музыки; нотныя писмена разн. сист. (древне-пѣвческ. «крюки», «цифротонныя», балазачн., гармон., клавиатурн. (рояль, фис-гарм. и проч.), скрипичн., духовыхъ INSTR., ноты и т. п.); музыкальн. инструменты разн. временъ. — Музыка древнихъ и среднихъ вѣковъ. — Біографіи музыкальн. дѣятелей и т. п. — Физика и психика музыки (фонографъ, граммофонъ, камертонъ, интонація рѣчи и проч.

Подписная цѣна — 3 руб. съ перес. въ годъ.

АДРЕСЪ: С.-Петербургъ, Загородный проспектъ, 58.

Издат. и Редакторъ В. В. Уваровъ.

Бѣлостокское побоище.

Нѣкоторые лица получили отъ своихъ родственниковъ телеграмму съ подробностями бѣлостокской рѣзни. Черносотенцы соединились съ хулиганами и громили лучшую часть города до поздней ночи. Погромъ подготовлялся уже цѣлую недѣлю, и первые выстрѣлы во время хода процессіи были дѣломъ провокаціи. «Взрывъ патріотическаго негодованія» вышелъ довольно неудаченъ. Едва только раздался выстрѣлъ, какъ толпа сразу закричала «бей жида» и бросилась къ магазинамъ грабить товары. Полиція въ первое время не препятствовала ватиску, и, когда громили увлеклись, то удержать ихъ патріотическій порывъ не въ состояніи были даже войска. Приѣхавшаго губернатора Блокка толпа встрѣтила шиканьемъ и не обращала вниманія на его увѣщанія. Повторились опять сцены черныхъ октябрьскихъ дней. Кровь лилась на улицахъ, безопасно колотили невинныхъ даже дѣтей, а члены союза истинно-русскихъ людей пировали въ то время въ пивной у одного черносотенца. Городъ былъ во власти черни и хулигановъ. Многіе спасались бѣгствомъ въ Брестъ-Литовскъ, Гродно и Витебскъ. Увѣряютъ, что за нѣсколько дней до погрома въ Бѣлостокъ приѣхали 2 таинственныхъ лица, въ которыхъ впрочемъ, узнали членовъ общества московскихъ хоругвеносцевъ, и по городу носились уже тревожные слухи. Никакъ не предполагалось однако, что черезъ два дня улицы Бѣлостока будутъ залиты кровью. Убитыхъ, по слухамъ, до 20-ти, раненыхъ болѣе 150. Убытки отъ разгрома колоссальныя.

Въ Москву прибыло много бѣглецовъ изъ Бѣлостока. Они передаютъ ужасающія подробности о погромѣ. Среди убитыхъ не мало учащихся. Случаи грабежа были рѣдки, брали только у евреевъ деньги. Убито нѣсколько христіанъ, пытавшихся стать на защиту евреевъ.

Члены Государственной Думы, производящіе разслѣдованіе погрома въ Бѣлостокѣ, телеграфируютъ, что погромъ произошелъ вслѣдствіе агитаціи со стороны тѣхъ, которымъ вручена охрана безопасности обывателей. Необходимо полное уравниеніе въ правахъ всѣхъ русскихъ гражданъ, безъ различія національности, происхожденія и вѣроисповѣданія. Комиссія требуетъ также немедленной отставки со службы всѣхъ чиновъ полиціи, причастныхъ къ провокаціонному устройству погрома. («Рус. Сл.»).

Телеграфируютъ о новыхъ погромахъ въ Лапахъ, Старосельцахъ, Оссовицѣ, Забрадахъ и многихъ другихъ мѣстечкахъ вблизи Бѣлостока.

Книга М. К. МУКАЛОВА.

„Дѣти улицы“

I

Малолѣтнія проститутки.

Продается у В. И. Стрижева.

ГАЗЕТНО КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

ВЪ КІЕВѢ

уголъ Крещатика и Лютеранской.

Касаткинъ. Въ коридорѣ суда.

„Аграрники“.

На каторгу.

— За что его осудили?—съ глухимъ рыданіемъ спрашивала она судей послѣ того, какъ судьи приговорили ея мужа къ каторгѣ.

Помилуйте! Онъ кормилецъ пятерыхъ дѣтей. Онъ не убилъ человека...

Онъ не виноватъ—дѣти его заставили.

Пухли съ голода они, просили хлѣба. Страшно ему было смотрѣть на голодныхъ.

Долго онъ не рѣшался... Терпѣлъ... Думалъ, что помрутъ скоро. Не померли.

Не вытерпѣлъ... Сталъ на колѣни предъ святымъ образомъ, молился.

Принесу зерна!—сказалъ. Вышелъ и не вернулся.

Помилуйте!—стонала она: не виноватъ, малыя дѣти заставили.

Ледяными глазами смотрѣли судьи на плачущую мать и жену приговореннаго къ каторгѣ.

* * *

Она просталась

— На каторгу!—захлебываясь слезами шептала она,—а за что? Вѣдь ты не убилъ человека!

— Не скучай!—утѣшалъ онъ ее: така ужъ, должно, на роду написано... Домой ступай... Коли помрутъ ребята—предай землѣ... Христіанскій долгъ соблюди... Не убивайся—такъ ужъ, видно, на роду написано...

Далай Норъ.

